

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2010
XIX**

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
611
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том XIX

Экспресс-выпуск • Express-issue

2010 № 611

СОДЕРЖАНИЕ

- 2027-2038 Степень стенобионтности и экологическая пластичность высших позвоночных.
Г. А. НОВИКОВ
- 2039-2043 Потенциальная орнитологическая ООПТ в Бежаницком районе Псковской области.
С. М. ВОЛКОВ, С. А. ФЕТИСОВ
- 2043 Новое в орнитофауне Псковской губернии.
Н. А. ЗАРУДНЫЙ
- 2044-2045 К орнитофауне Бугурусланского и Белебейского уездов. А. Н. КАРАМЗИН
- 2045-2047 Дополнения к списку зимующих птиц степного Предуралья. А. В. ДАВЫГОРА
- 2047 О гнездовании камышницы *Gallinula chloropus* в Пермской области.
А. И. ШУРАКОВ, С. А. ШУРАКОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XIX
Express-issue

2010 № 611

CONTENTS

- 2027-2038 Relation between stenotropism and ecological plasticity
in birds and mammals. G. A. NOVIKOV
- 2039-2043 Potential ornithological protected area
in Bezhanitsy Raion, Pskov Oblast.
S. M. VOLKOV, S. A. FETISOV
- 2043 New ornithological finds from the Pskov region.
N. A. SARUDNY
- 2044-2045 To avifauna of the Buguruslansky and Belebeisky
regions. A. N. KARAMZIN
- 2045-2047 Additional notes to check list of wintering birds
of steppe part of Ural region. A. V. DAVYGORA
- 2047 On breeding of the common moorhen *Gallinula
chloropus* in the Perm Oblast.
A. I. SHURAKOV, S. A. SHURAKOV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Степень стенобионтности и экологическая пластичность высших позвоночных

Г.А.Новиков

Второе издание. Первая публикация в 1957*

Внутривидовая дифференциация у животных проявляется в самых разнообразных направлениях и формах. Однако до сравнительно недавнего прошлого зоологи обращали внимание преимущественно, если не сказать – почти исключительно, на изменчивость в пределах вида морфологических признаков, нередко притом весьма незначительных. Интерес к подобному рода отклонениям стимулировался в основном гипертрофированным увлечением подвидовой систематикой, грубо говоря, погоней за описанием всё новых и новых «подвидов», а нередко и «видов», эфемерность существования которых обнаруживалась со всей очевидностью при первой же сколько-нибудь серьёзной ревизии той или иной систематической группы в целом. Само собой разумеется, что при таком подходе к вопросу о внутривидовой дифференциации в большинстве случаев не было и речи о раскрытии функционального, приспособительного значения описываемых морфологических особенностей. Этот период в развитии зоологии, в частности орнитологии и териологии, внёс немало путаницы и в некоторых отношениях основательно затормозил должное развитие науки, поскольку внимание учёных было отвлечено в сторону второстепенных вопросов.

Однако по мере развития экологии и функциональной (экологической) морфологии обнаружилась высокая степень изменчивости не только внешних морфологических особенностей, но и функций организмов, связанных с их экологией. При этом, как правило, оказывался совершенно очевидным приспособительный характер подобного рода изменчивости и внутривидового многообразия.

Для проявления внутривидовой дифференциации первостепенное значение имеет степень экологической пластичности разных видов, т.е. их способность приспособляться к существованию в различных условиях. В этом отношении все животные подразделяются на две основные группы, различающиеся широтой экологической валентности, именно на эври- и стенобионтные виды. Понятие об эври- и стенобионтности принадлежит к числу весьма важных теоретических обобщений экологии животных. Оно позволяет известным образом

---

* Новиков Г.А. 1957. Степень стенобионтности и экологическая пластичность высших позвоночных // *Вестн. Ленингр. ун-та* 21: 65-74.

оценить степень экологической специализации видов и групп животных, их жизненные возможности в различных условиях обитания, а применительно к проблеме внутривидовой дифференциации даже предвидеть, у каких видов она может быть особенно выраженной и разнообразной.

Очевидно, что при прочих равных условиях эврибионтные виды, т.е. виды, экологически наиболее пластичные, имеющие возможность существовать в более разнообразных местообитаниях, располагают большими объективными возможностями для проявления внутривидовой экологической и морфологической дифференциации, чем виды стенобионтные. Поэтому рассмотрение проблемы экологической пластичности видов имеет непосредственное отношение к общей проблеме внутривидовой дифференциации. Но особенно интересен вопрос о степени экологической пластичности, а стало быть и о возможности проявления внутривидовой экологической дифференциации не у эврибионтных, а у стенобионтных видов.

Вопрос о пластичности стенобионтных видов тем более нуждается в специальном рассмотрении, что не только в учебной, но и в научной литературе по экологии млекопитающих и птиц, наряду с другими проявлениями схематизма в оценке сложных явлений экологии животных, широкое распространение получило слишком упрощённое толкование стенобионтности. Это связано с очевидной недооценкой экологической пластичности видов-стенобионтов, что, в свою очередь, определяется недостаточно детальной изученностью многих видов млекопитающих и птиц. Так, например, до сих пор практикуется чрезмерное обобщение данных по экологии, полученных для того или иного вида в каком-либо одном районе, распространение их, без всяких оговорок, на все популяции вида, населяющие различные части его ареала, подчас охватывающего даже несколько ландшафтно-географических зон. Достаточно, например, сослаться на характеристики гнездования целого ряда видов в монографии «Птицы Советского Союза» (Дементьев, Гладков 1951-1954).

Расширение масштабов полевых экологических исследований и всё больший переход на многолетние стационарные исследования обогатили экологию млекопитающих и птиц за последние 10-15 лет значительным числом новых важных фактов, не только существенно уточнивших наши представления об экологии отдельных видов в различных ландшафтно-географических условиях, но и позволивших корректировать некоторые теоретические обобщения. В частности, в результате этих исследований мы располагаем теперь новыми материалами и по вопросу об экологической пластичности животных. Надо сказать, что изучение экологической пластичности, кроме вопроса о внутривидовой дифференциации, имеет также значение и для рас-

ширения наших представлений о материальной основе действия естественного отбора.

Наконец, правильная оценка степени экологической пластичности важна также и в практическом отношении, например при проведении акклиматизации, реакклиматизации, одомашнивания и пр.

Повторяем, что и здесь особенно большой интерес представляет анализ пластичности стенобионтных видов, т.е. видов, экологически наиболее специализированных, обладающих резко выраженным видовым стереотипом поведения.

Рассмотрение фактического материала, касающегося степени специализации стенобионтных млекопитающих и птиц в отношении, например, выбора местообитаний, мест устройства и типов нор и гнёзд, а также характера пищи и способов её добывания, показывает значительно более сложную и пёструю картину, чем считалось раньше, особенно если обратить специальное внимание на изменение поведения и образа жизни животных под влиянием действия антропогенного фактора.

К сожалению, в современной экологии этому важнейшему фактору не уделяется должного внимания. Между тем, антропогенный фактор сплошь и рядом оказывает глубокое преобразующее воздействие на экологию птиц и млекопитающих, что может быть доказано и в связи с темой настоящего сообщения.

Прежде всего рассмотрим вопрос об экологической пластичности видов, стенобионтных в отношении местообитаний (стенотопность). В ряде случаев выбор мест обитания бывает связан с географическим изменением климатических и других экологических условий и приводит, как и у эвритопных видов, к закономерной смене местообитаний, подобно ранее установленной для насекомых (Бей-Биенко 1939; Мельниченко 1952). Так, пеночка-весничка *Phylloscopus trochilus*, лесной конёк *Anthus trivialis*, обыкновенная овсянка *Emberiza citrinella* и ряд других видов птиц в северной и средней частях своих ареалов гнездятся преимущественно на начинающих зарастать лесных вырубках и гарях или по опушкам лесов, т.е. в местах, наиболее хорошо обогреваемых солнцем, иными словами, ведут себя как термофильные виды. Но эти же виды на юге, например в лесостепных дубравах, лишь изредка встречаются в открытых, столь типичных для них на севере местообитаниях, а становятся в основном обитателями сомкнутых насаждений или небольших лужаек среди леса. Несомненно, что основной тому причиной является чрезмерная прогреваемость недостаточно защищённых растительностью кустарниковых биотопов.

Европейская норка *Lutreola lutreola* на большей части своего ареала, в пределах лесной зоны, принадлежит к характерным обитателям мелких, сильно захламливаемых таёжных и вообще лесных речек и из-

бегают селиться по сколько-нибудь крупным рекам. На юге ареала, в степной зоне, норка, наоборот, встречается почти исключительно на крупных реках, в плавнях их дельт, где не столь сильно оказываются неблагоприятные для этого бореального млекопитающего климатические, прежде всего температурные, условия.

Аналогичным образом в отношении мышевидных грызунов Н.П. Наумов (1948, с. 138) пишет, что «при продвижении к югу и юго-востоку, в более сухие районы, зверьки из плакорно расположенных мест перемещаются в понижения (степная пеструшка на Южной Украине и в Казахстане, лесная мышь и обыкновенная полёвка под Москвой и на Южной Украине). При продвижении к северу наблюдается выход на обогреваемые дренированные возвышенности, переход на южные склоны и в более сухие места».

Напомним также интересный пример с городской ласточкой *Delichon urbica* в Средней Азии. Здесь она гнездится не на равнинах, как на севере, а в горах, преимущественно в альпийском поясе, возле снега (около 3200 м н.у.м.). В поясе лиственного леса, в северной Фергане (1600 м н.у.м.), ласточка найдена на гнездовье лишь в специфических условиях, обеспечивающих более умеренную и ровную температуру воздуха и повышенную его влажность. Ещё ниже (1100-1200 м н.у.м.), в поясе низкогорной степи, городская ласточка обнаружена лишь в узком, сильно затенённом ущелье, в котором течет река, берущая начало от ледника (Кашкаров 1945). Таким образом, здесь наблюдается совершенно определённая смена местообитаний, тесно связанная с изменением микроклиматических условий.

У высших позвоночных имеет также место исторически обусловленная (так сказать, «вынужденная») стенотопность в пределах естественного ареала, которая может смениться эвритопностью при искусственном расширении области распространения в процессе акклиматизации. Именно такие свойства обнаружила енотовидная собака *Nyctereutes procyonoides* после её переселения из Приморья в европейскую часть Советского Союза. На Дальнем Востоке енотовидная собака является характерным членом биоценоза широколиственных лесов маньчжурского типа и, как пишут С.П.Наумов и Н.П.Лавров (1941, с. 88), «определённо избегает хвойной тайги с её бедной фауной», что «определяет её распространение, в частности, северную границу ареала». Однако в новых областях своего распространения енотовидная собака отлично приспособилась к обитанию в самых разнообразных биотопах, в том числе и в таёжных лесах. Здесь этого хищника никак нельзя отнести к стенотопным и вообще к стенобионтным видам, так как и в отношении характера питания он проявил себя как весьма неприхотливый вид.

Интересные изменения в отношении приуроченности к опреде-

лётным местообитаниям наблюдаются у некоторых видов в связи с резким увеличением численности в годы массового размножения. При этом происходит естественное расширение числа, или набора, местообитаний даже у стенотопных видов. Например, норвежский лемминг *Lemmus lemmus* в горах центральных частей Кольского полуострова в годы депрессий и невысокой численности встречается исключительно в субальпийском поясе, в зарослях ив и карликовой берёзки. По мере роста плотности популяции, как это было видно в 1937-1938 годах, лемминг заселяет аналогичные местообитания (ерниковые моховые болота) по склонам гор, в предгорьях и на равнине. Наконец, в разгар массового размножения лемминг становится наиболее многочисленным уже не в своих коренных местообитаниях, а в различных типах елового леса на равнине, и, кроме того, встречается во многих других биотопах.

Существенные изменения мест обитания происходят в результате деятельности человека, преобразующего природные ландшафты и создающего культурный ландшафт. В настоящее время уже сформировалась определённая группа видов птиц и млекопитающих, теснейшим образом связанных с культурным ландшафтом и в частности с населёнными пунктами. Но интересно, что до сих пор на наших глазах происходит расширение комплекса видов-синантропов, в том числе за счёт таких форм, которые, казалось бы, никак не приспособлены к гнездованию в городах. Между тем, например, в Германии наблюдается неуклонное возрастание количества случаев гнездования в городах столь осторожной и требовательной к гнездовым станциям птицы, как сойка *Garrulus glandarius*. По новейшим данным, она зарегистрирована уже в 29 городах, в том числе даже в Берлине, Гамбурге, Лейпциге, Дрездене и других (Piechowski 1956).

Тесно связана со стенотопностью животных их узкая специализация в отношении устройства гнёзд и нор. Существует достаточно обширная группа такого рода видов птиц и млекопитающих, которых А.Н.Формозов (1934) предложил называть стеноидными формами. Не случайно место расположения, тип гнездовой постройки, а также используемый при этом материал нередко служат весьма надёжным свидетельством видовой принадлежности.

Стеноидность в одних случаях может носить разносторонний характер, в других – выражаться лишь в какой-либо определённой особенности гнездования и норения. Например, зяблик *Fringilla coelebs* принадлежит к весьма эвритопным птицам, он гнездится на самых разнообразных древесных породах, на различной высоте от земли и т.д., но тип его гнездовой постройки и особенно характер строительного материала весьма специфичны, что позволяет безошибочно определять находимые гнёзда зяблика. Но поистине замечательным примером

стенонидности является описанный финским орнитологом Пальмгреном (Palmgren 1932) тип гнездования желтоголового королька *Regulus regulus*. В южной Финляндии эта миниатюрная птичка не только строго приурочена к еловым лесам и гнездится на елях, но располагает свои гнёзда не на любой из них, а лишь на деревьях с совершенно определённым типом ветвления. Именно для гнездования королька необходимы ели с ветвями так называемого гребенчатого или, в крайнем случае, полугребенчатого типа, так как только к ним корольк может подвесить снизу и хорошо замаскировать своё гнездо. Подобная узкая специализация в отношении условий гнездования влечёт за собой и стенотопность, поскольку ели с гребенчатыми ветвями приурочены к определённым, особенно хорошим условиям произрастания, т.е. к известным биотопам.

Однако и стенонидные виды, при ближайшем рассмотрении, обнаруживают бóльшую или меньшую экологическую пластичность, проявляющуюся под влиянием разного рода причин. В результате даже у стенонидных видов возникает внутривидовая экологическая дифференциация.

Так, изменчивость мест расположения убежищ и гнёзд может быть связана с различием ландшафтно-географических условий в отдельных частях ареала вида. Например, обыкновенная гага *Somateria mollissima* является характерным обитателем приморских тундр, где она гнездится в небольших углублениях между кочек. Но на островах Кандалакшского залива Белого моря, т.е. в подзоне северной тайги, гага гнездится в лесу под защитой низко опущенных крон елей и среди бурелома (Дубровский 1936). Таким образом, кандалакшская популяция этого вида существенно отличается по своим гнездовым повадкам от всех остальных гаг.

Некоторые птицы, например, сизоворонка *Coracias garrulus* и удог *Urupa eops*, являющиеся в полосе островных лесов и в лесной зоне типичными дуплогнездниками, на юге, в степях, селятся в расщелинах обрывистых склонов оврагов. Таким образом, если учесть известный территориальный гнездовой консерватизм птиц, налицо дифференциация вида по крайней мере на две популяции, различающиеся гнездовым стереотипом.

Подчас стенонидные виды выходят далеко за пределы коренного, типичного ландшафта и тогда вынуждены приспособляться к новым, непривычным экологическим условиям, обнаруживая свою потенциальную пластичность. Н.А.Зарудный (1888) сообщает, что однажды он нашёл в Оренбургских степях пару больших пёстрых дятлов *Dendrocopos major*, гнездившихся в абсолютно безлесной местности. Они выдолбили нормальной формы и величины «дупло» в отвесном откосе канавы, выкопанной вокруг прошлогоднего стога сена. Дятлы благо-

получно вывели птенцов и вместе с ними по временам лазали по селу и собирали садившихся на него кобылок. Зная образ жизни дятла в обычных условиях, трудно даже вообразить подобную экологическую пластичность у этого весьма специализированного вида.

Иногда коренные различия гнездовых повадок у представителей одного вида наблюдаются даже в пределах узкого района. Так, в окрестностях учлесхоза «Лес на Ворскле» Белгородской области одна часть домовых воробьёв *Passer domesticus*, как и всюду, гнездится в населённых пунктах, под застрехами домов; другая, весьма значительная, — в расщелинах лёсса обрывов, степных оврагов и, наконец, немногие особи устраивают шарообразные гнёзда на ветвях деревьев на приусадебных участках. К сожалению, мы не знаем, в какой мере устойчивы эти гнездовые рефлексy у отдельных особей.

В том же «Лесу на Ворскле» бóльшая часть пустельг *Falco tinnunculus* селится в дуплах, но некоторые особи строят открытые гнёзда в кронах дубов.

Изменение видового стереотипа гнездования может быть вызвано систематическим разорением гнёзд хищниками или человеком. Ещё в 1896 году А.М.Быков показал, что певчие дрозды *Turdus philomelos* в окрестностях Варшавы, в наиболее посещаемых людьми лесах гнездятся на деревьях значительно выше и особенно тщательно маскируют свои гнёзда. Аналогичным образом, в учлесхозе «Лес на Ворскле» под воздействием многочисленных в этом массиве наземных хищных млекопитающих славки-черноголовки *Sylvia atricapilla* частично перешли к гнездованию не на кустарнике, а на нижних ветвях больших деревьев. В связи с этим сильно изменился и общий тип гнёзд и способы их крепления. В противоположность обычным небрежно свитым, рыхлым гнёздам, укреплённым (нередко кое-как) на мутовках ветвей кустарников и молодого подростa, гнёзда черноголовок на деревьях всегда свиты очень плотно и расположены не на развилках побегов, а подвешены к ветвям снизу, наподобие гамачка, напоминая в этом отношении гнёзда иволги *Oriolus oriolus* (Мальчевский и др. 1954). Налицо весьма существенное изменение видового стереотипа.

Наконец, в том же «Лесу на Ворскле» и также под воздействием хищников зарянка *Erithacus rubecula* стала в значительной мере дуплогнездником, тогда как на большей части ареала она гнездится на земле, в небольших углублениях и нишах.

Далее, гнездовые привычки могут видоизменяться и в связи с появлением новых мест для гнездования, обязанных деятельности человека. Именно на этом основано привлечение птиц-дуплогнездников в искусственные гнездовья — скворечники, дуплянки и пр. (вплоть до сделанных из бутылочных тыкв, применяемых в Аскании-Нова). Набор видов, селящихся в искусственных гнездовьях, достаточно велик и

включает больших пёстрых дятлов, сизоворонок, мелких сов (*Otus scops*) и др., а также ряд млекопитающих – сонь (*Dyromys nitedula*, *Muscardinus avellanarius*), летучих мышей (*Nyctalus noctula* и др.), мышевидных грызунов (*Apodemus flavicollis*, *Clethrionomys glareolus*).

Птицы-дуплогнездники, несмотря на свою выраженную экологическую специализацию, нередко обнаруживают значительную пластичность в отношении мест гнездования. Они занимают не только искусственные гнездовья, специально для них вывешенные, но и самые разнообразные, подчас достаточно неожиданные укрытия. Так, в «Лесу на Ворскле» зарянка однажды поселилась в консервной банке, валявшейся на земле в лесу. В литературе описывается гнездование большой синицы *Parus major* в старых бидонах из-под горючего, оставленных в лесу. В Борисовском совхозе Белгородской области большая синица однажды использовала под жильё сеялку, стоявшую на хозяйственном дворе около опушки леса. Гнездо помещалось в коробе, и птица проникала в него через сошник.

Мелкие воробьиные птицы как одна из наиболее прогрессивных групп этого класса позвоночных вообще отличаются особенной «гибкостью» своей высшей нервной деятельности и соответственно способностью принаравливать к вновь возникающим экологическим условиям. Но и некоторые другие птицы, в частности дневные хищники, несмотря на свою большую осторожность, обнаруживают подчас интересные видоизменения гнездовых рефлексов в обстановке культурного ландшафта. Крупный хищник скопа *Pandion haliaetus* нормально гнездится на вершинах крупных деревьев, способных выдержать тяжесть её массивного гнезда и обеспечить его безопасность. К тому же скопа обычно селится в достаточно глухих лесных массивах около рек и озёр. Но этот осторожный хищник до сих пор встречается в такой густонаселенной стране, как Германия, и здесь местами располагает свои гнёзда не на деревьях, а в ещё более недоступных для врагов пунктах – на верхушках металлических опор линий высоковольтной электропередачи (Moll 1957).

Благодаря известной экологической пластичности некоторых стеноидных видов птиц, вроде сизого голубя *Columba livia*, чёрного стрижа *Apus apus*, городской ласточки, заметно обогатилась орнитофауна населённых пунктов в историческом процессе её формирования. Эти виды птиц нашли здесь не только обильную пищу, но и удобные места гнездования, в той или иной мере аналогичные используемым ими в природе. В итоге популяции одних видов (городская ласточка, сизый голубь) практически всецело стали синантропными, у других (чёрный стриж) – разделились на живущих в населённых пунктах и в природе. В Финляндии эти две популяции стрижа довольно отчётливо приурочены к разным районам страны; именно гнездование в постройках

особенно характерно для юга и запада Финляндии, тогда как в центре, на востоке и севере страны стрижи селятся преимущественно в дуплах деревьев (Koskimies 1956).

Группа млекопитающих, ставших вполне синантропными, сравнительно невелика по числу видов. Но наряду с ними можно отметить, что целый ряд зверей, начиная от землероек *Sorex araneus* и полёвок и до енотовидной собаки, а изредка даже рыси *Lynx lynx* (например, в Тосненском районе Ленинградской области), наряду с естественными убежищами, широко использует оставшиеся от последней войны блиндажи, землянки и окопы.

Экологическая специализация и пластичность проявляется и в отношении строительного материала гнёзд, причём отмечается зависимость его состава от состава местной фауны и флоры. Например, пеночка-весничка всегда выстилает изнутри своё гнездо-шалашик пухом и мелкими пёрышками. В средней полосе, по М.А.Мензбиру (1895), чаще всего она использует для этого пух и кроющие перья серой куропатки *Perdix perdix*, а на севере, на Кольском полуострове, по нашим наблюдениям, – белой куропатки *Lagopus lagopus*.

Птицы, селящиеся около жилья человека, нередко используют при постройке гнёзд такие необычные для них материалы, как бумага, вата, тряпки и нитки всех цветов, полоски целлофана и даже обрывки хирургического шёлка. А.С.Мальчевскому (1950) приходилось находить в парке Ленинградской лесотехнической академии гнезда серых мухоловок *Muscicapa striata*, сорокопутов-жуланов *Lanius collurio* и других птиц, построенные почти целиком из таких отбросов.

Что касается экологической пластичности видов-стенофагов, т.е. узкоспециализированных в отношении питания, то она особенно ярко раскрывается при неблагоприятных условиях. Так, при неурожае семян хвойных пород весьма специализированный вид – клест-еловик *Loxia curvirostra*, по нашим наблюдениям на Кольском полуострове, вынужден частично питаться семенами ягодных кустарничков и лесных травянистых растений, вроде вороники *Empetrum nigrum*, бодяка *Cirsium heterophyllum* и перловника *Melica nutans* (Новиков 1952). Иными словами, в период бескормицы у клеста наблюдается коренное изменение видового стереотипа поведения. В этом же районе в годы отсутствия мышевидных грызунов после их массового размножения высокоспециализированный миофаг – горностай *Mustela erminea* вынужден питаться самой разнообразной пищей, вплоть до плодов можжевельника (Насимович 1948).

Изменение видового стереотипа питания у специализированных в этом отношении видов отмечается также при массовом появлении новых кормовых ресурсов. Как наблюдал в Казахстане А.Н.Формозов (1937), во время лёта итальянской саранчи *Calliptamus italicus* на пи-

тание ею переключается большое число разнообразных птиц, в том числе отнюдь не степных, а водоплавающих. При этом одни из видов уток ограничиваются уничтожением саранчи, падающей в воду и плавающей на её поверхности, а другие, в том числе ещё нелетающие птенцы, специально уходят в степь, иногда за полкилометра от водоёма, и там поедают насекомых.

Подобно этому в лесостепных дубравах в годы массового размножения непарного шелкопряда *Porthetria dispar* гусеницы этого вида становятся важным кормом для многих птиц, в том числе для обычно кормящихся вне леса. Так, по наблюдениям в бывшей Тульской губернии массу гусениц уничтожали грачи *Corvus frugilegus*, специально прилетавшие в повреждённый лес за несколько километров и собиравшие насекомых не только на земле, как это свойственно грачам, но и с ветвей деревьев. При этом грачи тщательно обыскивали ветви и даже, подобна синицам, прицеплялись к тонким побегам, являя собой довольно странную картину (Соболев 1897). Итак, эти птицы в случае необходимости обнаруживают совершенно не свойственные им повадки. Точно так же нам несколько раз приходилось видеть, как большие пёстрые дятлы пытались ловить летающих крупных насекомых.

Приведенные выше примеры показывают, насколько быстро переключаются различные виды птиц на вновь появляющуюся в массовом количестве пищу. Иногда при этом птицы обнаруживают поразительные свойства своей высшей нервной деятельности. В этом отношении весьма интересны описанные в английской орнитологической литературе наблюдения над большими синицами, которые в целом ряде населённых пунктов быстро приспособились открывать картонные пробки на молочных бутылках, оставляемых разносчиками около домов, и похищать сливки.

Иногда наблюдается пищевая специализация отдельных пар, например пернатых хищников, но обычно она носит временный характер и изменяется по годам. Так, известны случаи, когда некоторые пары чёрных коршунов *Milvus migrans* специализировались на добычании для своих птенцов ежей. Финские орнитологи отмечают, что в районе архипелага Турку, где серые вороны *Corvus cornix* разоряют массу птичьих гнёзд, отдельные особи их специализируются на истреблении определённых видов птиц (Tenouuo 1956). Примером изменения охотничьих повадок может служить пара перепелятников *Accipiter nisus* в Германии, которая в 1925-1927 годах охотилась преимущественно за лесными птицами, а в 1928 году переключилась на птиц, живущих около строений в деревне, так что 33% съеденных птиц составили домовые воробьи (Дементьев 1940). Но наиболее разительным примером изменения пищевой специализации является возникновение у попугая *Nestor notabilis* привычки нападать на овец, по-

сле того как их в большом числе развели в Новой Зеландии. Правда, упомянутый вид попугая принадлежит к числу плотоядных, но это не снижает интереса данного случая с точки зрения темы настоящего сообщения.

Из приведенных фактов, однако, отнюдь не вытекает отрицание самого понятия стенобионтности. Стенобионтность и отдельные её проявления, конечно, имеют место в природе. Более того, в отдельных случаях она принимает характер крайней экологической специализации. Достаточно напомнить монофагию мексиканского коршуна-слизнееда *Rosthramus sociabilis*, в удивительной степени приспособленного к питанию определённым видом моллюска *Ampullarius dolioides* (Дементьев 1940). Но тем не менее даже выраженные стенобионты, как было показано выше, часто обладают более или менее значительной экологической пластичностью, что позволяет им переносить неблагоприятные изменения в условиях обитания. Это свойство особенно важно для видов, населяющих районы Крайнего Севера, пустыни и другие им подобные ландшафты с их неблагоприятными в целом, а к тому же весьма неустойчивыми жизненными условиями. Именно благодаря известной пластичности стенобионты, в частности стенофаги, и имеют возможность существовать за пределами зоны оптимума. В силу сказанного никак нельзя согласиться с утверждением Н.П.Наумова (1955), что «стенофаги не могут проникать в районы, где их пища обильна лишь периодически».

Экологическая изменчивость даже у весьма специализированных видов, не говоря об эврибионтных животных, может носить как индивидуальный, так и групповой характер, и захватывать в последнем случае целые местные популяции; в результате возникает экологическая дифференциация вида в отношении тех или иных сторон его существования. Надо полагать, что изучение экологической изменчивости имеет определённое значение и в плане эволюционной теории, поскольку оно расширяет и конкретизирует наши представления о материальной основе, на которой может осуществляться формирующая роль естественного отбора.

Литература

- Бей-Биенко Г.Я. 1939. К вопросу о зонально-экологическом распределении саранчевых в Западно-Сибирской и Западно-Саянской низменностях // *Тр. по защите растений*.
- Быков А.М. 1896. Список и описание коллекций по биологии птиц Привислинского края // *Коллекции Зоол. кабинета Варшав. ун-та* 3.
- Дементьев Г.П. 1940. *Птицы*. М.; Л. (Руководство по зоологии. Т. 6).
- Дементьев Г.П., Гладков Н.А. (ред.). 1951-1954. *Птицы Советского Союза*. М. (в 6 томах).

- Дубровский А.Н. 1936. Гага и гагачий промысел в Кандалакшском заливе // *Изв. Гос. геогр. общ-ва* **6**.
- Зарудный Н.А. 1888. Орнитологическая фауна Оренбургского края // *Зап. Акад. наук* **57**, прил. 1.
- Кашкаров Д.Н. 1945. *Основы экологии животных*. 2-е изд. Л.
- Мальчевский А.С. 1950. О гнездовании птиц в городских условиях // *Тр. Ленингр. общ-ва естествоиспыт.* **70**, 4.
- Мальчевский А.С., Покровская И.В., Овчинникова Н.П., Геракова Т.Н. 1954. Об экологических закономерностях распределения птичьих гнёзд в лесу. (По наблюдениям в лесостепной дубраве «Лес на Ворскле») // *Учён. зап. Ленингр. ун-та* **181**.
- Мельниченко А. 1952. Зонально-климатическое изменение местообитаний насекомых как фактор эволюции // *Зоол. журн.* **31**, 1.
- Мензбир М.А. 1895. *Птицы России*. М., **2**.
- Насимович А.А. 1948. Очерк экологии горностая в Лапландском заповеднике // *Тр. Лапландского заповедника* **3**.
- Наумов Н.П. 1948. *Очерки сравнительной экологии мышевидных грызунов*. М.; Л.
- Наумов Н.П. 1955. *Экология животных*. М.
- Наумов С.П., Лавров Н.П. 1941. *Основы биологии промысловых зверей СССР*. М.
- Новиков Г.А. 1952. Материалы по питанию лесных птиц Кольского полуострова // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **9**, 4.
- Соболев А. 1897. История массового размножения непарного шелкопряда в Тульской губернии в 1892-1896 гг. // *Лесной журн.* **2**.
- Формозов А.Н. 1934. Хищные птицы и грызуны // *Зоол. журн.* **13**, 4.
- Формозов А.Н. 1937. Материалы к экологии водяных птиц по наблюдениям на озёрах Государственного Наурзумского заповедника // *Памяти акад. М.А. Мензбира*. М.; Л.
- Koskimies J. 1956. Zur Charakteristik und Geschichte der nistökologischen Divergenz beim Mauersegler, *Apus apus* (L.), in Nordeuropa // *Ornis fenn.* **33**, 3/4.
- Moll K.H. 1957. Beiträge zur Fortpflanzungsbiologie des Fischadlers // *Falke* **4**, 1.
- Palmgren P. 1932. Zur Biologie von *Regulus regulus* (L.) und *Parus atricapillus borealis* Selys // *Acta zool. fenn.* **14**.
- Piechocki R. 1956. Zur Verstädterung des Eichelhähers // *Falke* **3**, 1.
- Tenovuo R. 1956. The crows as a scourge of the archipelago avifauna // *Suomen riista* **10**.

Потенциальная орнитологическая ООПТ в Бежаницком районе Псковской области

С.М.Волков, С.А.Фетисов

Национальный парк «Себежский»,
ул. 7 Ноября, 22, Себеж, Псковская область, 182250, Россия

Поступила в редакцию 1 ноября 2010

В 2005 году на страницах «Русского орнитологического журнала» опубликована статья Я.Контиокорпи и М.Лэтьенена (2005), в которой они обратили внимание читателей на небольшой эвтрофный водоём, расположенный в Псковской области между деревнями Липовец-Завещевский и Залешье, примерно в 16 км к северо-западу от посёлка Бежаницы, в бассейне реки Сороти (57°03.5' с.ш., 29°41' в.д.). Точнее, речь шла тогда о целом ряде весьма редких для Псковской области видов птиц, которых им удалось наблюдать на этом водоёме и в его окрестностях.

В первый раз Я.Контиокорпи обследовал это место с Ю.Путаненом ещё 19 июня 2001. Тогда они встретили там таких редких на всем Северо-Западе России птиц, как красношейная поганка *Podiceps auritus*, пастушок *Rallus aquaticus*, дупель *Gallinago media*, белокрылая крачка *Chlidonias leucopterus*, соловьиный сверчок *Locustella luscinioides* и усатая синица *Panurus biarmicus*.

Во второй раз Я.Контиокорпи и М.Лэтьенен посетили это место 18 июня 2005 и зарегистрировали на водоёме черношейную поганку *Podiceps nigricollis* (с выводком), белокрылую крачку и соловьиного сверчка, а на прибрежном лугу – желтоголовую трясогузку *Motacilla citreola* (с выводком).

Мы посетили рассматриваемый водоём 12 мая 2010, когда у многих видов птиц ещё не закончилась весенняя миграция. В связи с этим собранные нами материалы служат не столько для сравнения списков и мониторинга состояния редких видов, гнездящихся или летующих здесь в разные годы, сколько для дополнения общего списка редких птиц и всего орнитокомплекса, сложившегося на водоёме между деревнями Липовец-Завещевский и Залешье и в его ближайших окрестностях. Несомненно, это место уже сейчас – несмотря на недостаточную пока степень его обследования – представляет собой большой интерес как в орнитофаунистическом, так и природоохранном отношении, поэтому его следует рекомендовать администрациям Бежаницкого района и Псковской области для создания на нём ООПТ локального или даже регионального уровня.

Центральное место предлагаемой нами ООПТ занимает, конечно, сам водоём, образовавшийся в пойме ручья к югу от дороги между деревнями Липовец-Завещевский и Залешье. Этот пруд возник, очевидно, в связи с тем, что дорожная насыпь подпрудила сток ручья, и в результате вода залила заболоченную низину площадью не менее 2-3 га. Это относится в первую очередь к основной («чистой») акватории пруда, местами сильно заросшей по островам, мелководью и сплави-нам тростником и другой травянистой и кустарниковой растительностью, а также усыхающими после затопления деревьями. Вокруг же основного пруда расположена ещё плохо определяемая на глаз, но весьма обширная площадь залитого водой леса, которую очень трудно обойти по периферии, особенно в период весеннего паводка и из-за завалов и канав, устроенных бобрами *Castor fiber*. Помимо того, довольно обширная территория заболочена и заросла густой водно-болотной травянистой и кустарниковой растительностью вдоль ручья также к северу от дороги, хотя сток ручья ниже дороги и ограничен дорожной насыпью. Лишь с востока к основному пруду примыкает чистый сухо-дольный луг, где до сих пор пасутся коровы, переходящий местами (на границе с прудом) в заливаемый кочкарниковый осоковый луг с грязе-выми отмелями.

12 мая 2010 нам, к сожалению, не удалось осмотреть водоём целиком, потому что у нас не было лодки, а обойти пруд вокруг было невозможно из-за непроходимых участков. Поэтому детальнее всего мы обследовали лишь ту часть пруда, которая примыкает к дороге. К тому же именно здесь пруд лучше всего просматривается в бинокль с вытянутого вдоль дороги холма, особенно в его северо-западной части. Кроме того, без особых затруднений удалось обследовать побережье пруда, граничащее с лугом, и сам луг. За несколько часов непрерывных наблюдений и фотографирования мы отметили в районе пруда более 50 видов птиц, включая более 10 видов, довольно редких для Псковской области. Среди них:

Большой баклан *Phalacrocorax carbo*. Два баклана не менее часа охотились в центре пруда и сушили оперение, сидя неподалеку на сухом дереве, а потом улетели в сторону реки Сороти.

Большая выпь *Botaurus stellaris*. Один самец токовал на острове в юго-восточной части пруда, другой – где-то в 1.5-2 км к северу от пруда, возможно, на озере Михалкинское или на реке Сороти.

Большая белая цапля *Casmerodius albus*. 4 цапли кормились на мелководье вдоль ручья в редколесье за основным прудом. Будучи испугнуты, они улетели на время в сторону Сороти, но потом вернулись, сделали большой круг над прудом и сели на прежнее место.

Серая утка *Anas strepera*. Пара – самец с самкой – упорно держалась, несмотря на беспокойство, возле одного небольшого островка в

северной части пруда, недалеко от дороги. Время от времени они покидали это место, но потом вновь возвращались к нему. Остатки (крылья) ещё одной добытой кем-то, а, возможно, и подстреленной самки были найдены нами на северном берегу пруда.

Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla*. В течение примерно 4 ч орлан дважды появлялся над прудом, но так и остался без добычи.

Турухтан *Philomachus pugnax*. Стайка из 10 самок и одного самца кормилась и отдыхала на пруду на грязевой отмели напротив луга; ещё один самец отдыхал какое-то время на крошечном сплавинном островке в северной части пруда.

Большой улит *Tringa nebularia*. Два улита были испугнуты нами и перелетали по мере приближения к ним вдоль восточного берега пруда, напротив луга.

Большой веретенник *Limosa limosa*. Был отмечен по голосу на одном из островов где-то в центре пруда.

Малая чайка *Larus minutus*. Несколько обособленных друг от друга пар малых чаек держались в южной части основного пруда, подолгу сидя на небольших торфяных кочках.

Белокрылая крачка *Chlidonias leucopterus*. Стая численностью 23-25 особей охотилась преимущественно в восточной части пруда; многие крачки подолгу сидели на обсохших на мелководье осоковых кочках, представляющих собой хорошие места для гнездования.

Желтоголовая трясогузка *Motacilla citreola*. Одна пара трясогузок постоянно держалась на суходольном лугу (на пологом склоне) примерно в 40-50 м от пруда; самка кормилась в основном среди одуванчиков, а самец летал за кормом также к урезу воды и на водную растительность. После беспокойства в связи с фотосъёмкой обе птицы неизменно возвращались на свой излюбленный участок. Ещё 2 желтоголовые трясогузки встречены в 130-150 м от этой пары, на том же лугу, но неподалёку от дороги.

Соловьиный сверчок *Locustella luscinioides*. Одиночные поющие самцы были отмечены на острове в густых зарослях прошлогоднего тростника: один – почти в центре острова, напротив северного берега пруда; другой – в восточной части острова, почти напротив луга.

Помимо перечисленных видов, на пруду и около него удалось наблюдать и других, менее редких для Псковской области птиц.

Связь *Anas penelope*. Стая из 19 особей, преимущественно самцов, кормилась на разводье ручья в редколесье выше основного пруда.

Широконоска *Anas clypeata*. Пара (самец и самка) была встречена в северной части пруда и сразу же скрылась в густой траве у островов. Ещё одного самца видели в восточной части пруда.

Серый журавль *Grus grus*. Одиночный журавль кричал за прудом, где-то за залитым водой лесом.

Травник *Tringa totanus*. Одиночный кулик и стайка из 3 особей были вспугнуты на мелководье в восточной части пруда.

Сизая чайка *Larus canus*. Одиночные особи и небольшие стайки общей численностью около 15-20 особей охотились в основном в отдалённой от дороги южной части основного пруда и там же отдыхали на торфяных кочках или усохших в воде деревьях.

Белоспинный дятел *Dendrocopos leucotos*. Одна самка кормилась на ольхах и ивах вдоль ручья ниже дороги.

Кроме того, на основном пруду нам удалось наблюдать несколько крякв *Anas platyrhynchos*, одиночных самцов трескунка *Anas querquedula* и красноголовой чернети *Aythya ferina*, двух самцов и самку болотного луня *Circus aeruginosus*, порядка десятка озёрных чаек *Larus ridibundus*, а также несколько речных крачек *Sterna hirundo* и пару чёрных крачек *Chlidonias niger*. Над прудом пролетело за время наблюдений несколько одиночных серых цапель *Ardea cinerea*. Никаких скоплений озёрных чаек, которых наблюдали на этом пруду в 2005 году Я.Контиокорпи и М.Лэтьенен (2005), не было и в помине. То же касается и скопления чёрных крачек, зарегистрированных этими орнитологами в 2001 году. Зато здесь более чем в 2 раза возросла по сравнению с 2005 годом численность белокрылых крачек, хотя это может быть просто следствием ещё не закончившейся весенней миграции.

На островах на пруду пело не менее 5 самцов камышевки-барсучка *Acrocephalus schoenobaenus*. На мелководье, в основном в восточной части пруда, мы подняли как минимум 2 бекаса *Gallinago gallinago*. На северном берегу обнаружены остатки съеденной кем-то кряквы.

На примыкающем к пруду суходольном лугу кормились стайки скворцов *Sturnus vulgaris* (не более 10 особей в каждой), пара жёлтых трясогузок *Motacilla flava*, более 10 рябинников *Turdus pilaris*. Там же держались 3 чибиса *Vanellus vanellus* и пели 2 полевых жаворонка *Alauda arvensis*. В ближайших окрестностях пруда (на холме вдоль северного берега и в загоне для скота, в подтопленном лесу и в лесу к северу от дороги) удалось наблюдать токующего осоеда *Pernis apivorus*, деревенскую ласточку *Hirundo rustica*, сороку *Pica pica*, двух воронов *Corvus corax*, несколько серых ворон *Corvus cornix*, белых трясогузок *Motacilla alba* и зябликов *Fringilla coelebs*, а также слышать песни кукушки *Cuculus canorus*, серой славки *Sylvia communis*, веснички *Phylloscopus trochilus*, соловья *Luscinia luscinia*, белобровика *Turdus iliacus* и чёрного дрозда *Turdus merula*.

Мы надеемся, что наблюдения на пруду между деревнями Липовец-Завещевский и Залешье будут продолжены и станут более регулярными. Возможно, ими заинтересуются, в частности, сотрудники государственного природного заповедника «Полистовский», расположенного в Бежаницком и Локнянском районах.

Литература

Контиокорпи Я., Лэтьенен М. 2005. Гнездование среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius*, черношейной поганки *Podiceps nigricollis* и встречи других редких птиц в Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* 14 (305): 1071-1073.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 611: 2043

Новое к орнитофауне Псковской губернии

Н.А.Зарудный

Второе издание. Первая публикация в 1911*

Uria grylle L. [*Cerpphus grylle* Linnaeus, 1758)]. Эта гагарка, не упоминаемая в моей работе «Птицы Псковской губернии» (1910), была добыта крестьянином деревни Ваймицы, Алексеем Образцовым, 15 октября 1908 на Талабском [Псковском] озере около устья реки Великой, и в кусках шкурки прислана мне. Таким образом, для Псковской губернии в настоящее время насчитывается 286 видов птиц.

Tringa schinzii Brehm [*Calidris alpina schinzii* (C.L.Brehm, 1822)]. Судя по сохранившимся у меня экземплярам, чернобрюхие песочники, гнездящиеся в Псковской губернии, должны быть отнесены именно к этому виду.

Gallinago major Gmel. [*Gallinago media* (Latham, 1787)]. Е.И.Исполатов в письме своём на моё имя сообщает между прочим, что в 1890 году в Псковском уезде добыли пухового птенца дупеля 6 августа (!).

Литература

Зарудный Н.А. 1910. Птицы Псковской губернии // *Зап. Акад. наук по физ.-мат. отд.* Сер. 8. 25, 2: 1-181.

---

* Зарудный Н.А. 1911. Новое к орнитофауне Псковской губернии // *Орнитол. вестн.* 2, 1: 21 (Ташкент, 10 ноября 1910).

К орнитофауне Бугурусланского и Белебейского уездов

А. Н. Карамзин

Второе издание. Первая публикация в 1911*

В этой заметке я сообщаю несколько новых данных о птицах того района, в котором давно уже произвожу свои орнитологические наблюдения. Район этот: северо-восточный выступ Самарской губернии и прилежащие к нему западные части Уфимской и Оренбургской.

Syrrhaptes paradoxus Pall. Новый случай залёта к нам саджи был замечен весной 1910 года, именно: 10 апреля мой брат В. Н. Карамзин видел 12 особей этих птиц в своём имении у деревни Козловка, в верховьях реки Малый Кинель, Бугурусланского уезда; 11 апреля две стаи саджи наблюдались в 12 верстах южнее села Полибино, моего местожительства. О наблюдавшихся стайках саджи в то же время, т. е. в начале апреля 1910 года, сообщает мне А. П. Юрасов из-под города Сызрани Симбирской губернии. Таким образом, саджа пролетела не одним нашим уездом, но и на 300 вёрст западнее. Интересно, что в литературе мне не пришлось читать о появлении саджи в этом году где-либо в Европейской России.

Pelecanus crispus Bruch. 15 июня 1888, посетив озеро Асли-куль и болото Берказан-камыш (Белебейский уезд Уфимской губернии), в последнем я наблюдал гнездящихся пеликанов, но по глубине воды не достиг самого места гнездования. В 1891 году П. П. Сушкин добрался здесь вплавь до гнезда и добыл их яйца. 7, 8 и 9 мая 1901 я ещё видел 7 пеликанов, как на озере Асли-куль, так и на болоте Берказан-камыш. Башкиры передавали мне, что птицы эти продолжают выводиться здесь. Наконец, между 6 и 8 июля 1910 мне пришлось опять побывать в этих местах, но пеликанов здесь я уже не видал. Из расспросов местных башкир и русских прибрежной деревушки я узнал, что вот уже три года, как исчезли пеликаны с Асли-куля и Берказан-камыша, так как оставаться этим строгим птицам на гнездовье в этих местах было невозможно: местность сильно заселилась русскими и немцами, а озеро с 1888 года усохло приблизительно на 1½ сажени; болото же Берказан-камыш усохло настолько, что превратилось в луг, более сухие места которого теперь распаханы, а сырые косятся и покрыты стогами сена.

---

* Карамзин А. Н. 1911. К орнитофауне Бугурусланского и Белебейского уездов // *Орнитол. вестн.* 2, 1: 19-20 (Село Полибино, 10 ноября 1910).

Fuligula nyroca Güld. Самец белоглазого нырка впервые был добыт у нас 9 апреля 1910 из стаи красноголовых нырков и черни, плававших на лиманном орошении у села Полибино. Живя в нашем уезде в течение 30 лет, этого нырка я ранее здесь ни разу не видал. Хотя М.Н.Богдановым и указан этот вид для Казанской губернии, но М.Д. Рузский его там не нашёл. П.П.Сушкин в Уфимской губернии лично тоже не нашёл белоглазого нырка, но слышал от местного охотника Пименова, что нырок этот был пойман с птенцами на реке Белой. Эверсман считает белоглазого нырка изредка встречающейся птицей в северной части Оренбургского края. Во всяком случае, для Бугурус-ланского и соседних с ним уездов этого нырка надо считать редкой, быть может спорадично гнездящейся птицей.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 611: 2045-2047

Дополнения к списку зимующих птиц степного Предуралья

А.В.Давыгора

Второе издание. Первая публикация в 1995*

Регулярные наблюдения зимней авифауны степного Предуралья ведутся нами с 1979 года. Полученные материалы позволяют дополнить новыми зимующими видами списки предыдущих авторов (Зарудный 1888, 1889, 1897; Райский 1951; Даркшевич 1950).

Falco peregrinus. Одиночный сапсан наблюдался над центральными кварталами города Оренбурга 12 января 1993. Удалился в южном направлении. Ранее зимой в регионе не отмечался.

Falco tinnunculus. Зимовка пустельги в степном Предуралье установлена впервые. Половозрелый самец в течение двух зим – 1991/92 (регистрации 3-4 января и 1 марта) и 1992/93 (6 и 27 декабря) наблюдался на южной окраине села Междуречье, расположенного на реке Уртабурте (левый приток Урала) на границе Оренбургской области с Казахстаном. Ночные часы пустельга проводила в густых ивовых зарослях поймы реки. Охотилась среди скирд соломы, притащенных по снегу из степи на корм скоту. Судя по расположению места ночёвки и

---

* Давыгора А.В. 1995. Дополнения к списку зимующих птиц степного Предуралья // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 18-19.

маршруту перелёта на охоту, в разные зимы наблюдалась одна и та же птица.

Circus cyaneus. 27 декабря 1993 половозрелый самец полевого луня встречен в окрестностях села Междуречье. Наблюдался в охотничьем полёте над бурьянами и среди куч соломы и сена на скотном дворе, где скрадывал грызунов и мелких воробьиных птиц – полевых *Passer montanus* и домовых *P. domesticus* воробьёв, обыкновенных овсянок *Emberiza citrinella*.

Columba palumbus. Для степного Предуралья известен единственный случай зимовки одиночного вяхиря в начале 1880-х годов в Оренбурге (Зарудный 1888). Нами вяхирь отмечен дважды. 2 марта 1992 одна особь встречена в придорожной лесополосе близ села Красногогор (правобережье реки Урал в 65 км юго-восточнее Оренбурга). В конце декабря 1992 два вяхиря регулярно наблюдались на южной окраине села Междуречье (45 км южнее села Беляевка). Кормились на скотном дворе, ночевали вдвоём в вороньем гнезде, расположенном на одиночном тополе в пойме реки Уртабурти.

Streptopelia decaocto. На территории степного Предуралья кольчатая горлица появилась в середине 1970-х годов. К середине 1990-х населяет весь регион. Часть птиц, несомненно, ведёт оседлый образ жизни. Зимующие горлицы постоянно отмечаются в Оренбурге, селе Беляевка. Одна птицы встречена 28 декабря 1992 на проводах ЛЭП у села Карагач (20 км южнее Беляевки).

Следует подчеркнуть, что зимовка «нетрадиционных» видов наблюдалась на фоне ряда тёплых и затяжных осенних сезонов, характерных для последних лет. Благоприятные погодные условия, обилие доступных кормов, поздний снежный покров, сравнительно мягкие зимы провоцируют долгую задержку отлёта птиц и их зимовку. Подобное явление в степном Предуралье ранее отмечалось для дрофы *Otis tarda* (Правдухин 1936). Несмотря на спорадический характер зимних встреч, приведённые материалы значительно корректируют представления о границах районов зимовок рассматриваемых видов. Представляется, что в подобных случаях зимовочные ареалы целесообразно делить на две части: район постоянных и район нерегулярных (спорадических) зимовок.

Литература

- Даркшевич Я.Н. 1950. *Птицы и звери Чкаловской области и охота на них*. Чкалов: 1-191.
- Зарудный Н.А. 1888. Орнитологическая фауна Оренбургского края // *Зап. Акад. наук* **57**, прил. 1: 1-338.
- Зарудный Н.А. 1889. Дополнительные заметки к познанию орнитологической фауны Оренбургского края // *Bull. Soc. nat. Moscou. N. S.* **2**: 658-681.

Зарудный Н.А. 1897. Дополнения к «Орнитологической фауне Оренбургского края» // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи* 3: 171-312.

Правдухин Н.П. 1936. Зимовка дудаков // *Боец-охотник* 6: 20-26.

Райский А.П. 1951. Животный мир Чкаловской области // *Очерки физической географии Чкаловской области*. Чкалов: 157-202.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 611: 2047

О гнездовании камышницы *Gallinula chloropus* в Пермской области

А.И.Шураков, С.А.Шураков

Второе издание. Первая публикация в 1995*

Камышница *Gallinula chloropus* была внесена в список птиц Пермской области в 1981 году: А.И.Шепель с сотрудниками нашли в Кисертском районе двух взрослых самок в гнезде коршуна *Milvus migrans* среди его добычи; А.И.Шураков с коллегами зарегистрировали пару камышниц на озере Чаечном в Уинском районе (57° с.ш., 56° 40' в.д.) и на Бикбардинском пруду в Чернушинском районе (56° 30' с.ш., 55° 40' в.д.). В том же 1981 году на зарастающих песчаных карьерах в урочище Красава под Пермью С.А.Шураковым было найдено гнездо камышницы с кладкой из 6 яиц, а в последующие годы зарегистрировано её регулярное гнездование.

Прилёт камышницы на озеро Чаечное в 1991 году отмечен 2 мая, в 1992 – 7 мая, в 1993 – 1 мая. За три года наблюдений в первых кладках зарегистрировано от 6 до 10 яиц (6, 8, 8, 10, 10, 10), во второй – 6 яиц (1 августа 1992). Токование камышницы под Пермью слышали и наблюдали 18 мая 1991.

Отлёт камышницы в 1991-1992 годах в Уинском районе происходил в третьей декаде сентября – первой пятидневке октября. Таким образом, камышница в Прикамье является регулярно гнездящимся видом, имеет два выводка в репродуктивном периоде, но северная граница её гнездования требует уточнения.

---

* Шураков А.И., Шураков С.А. 1995. О гнездовании камышницы в Пермской области // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 76.